

АНАТОЛИЙ КУРЧАТКИН:

Культура. — 2004. — 2-8 дек. — с. 5

Свобода — это исполнение замысла о самом себе

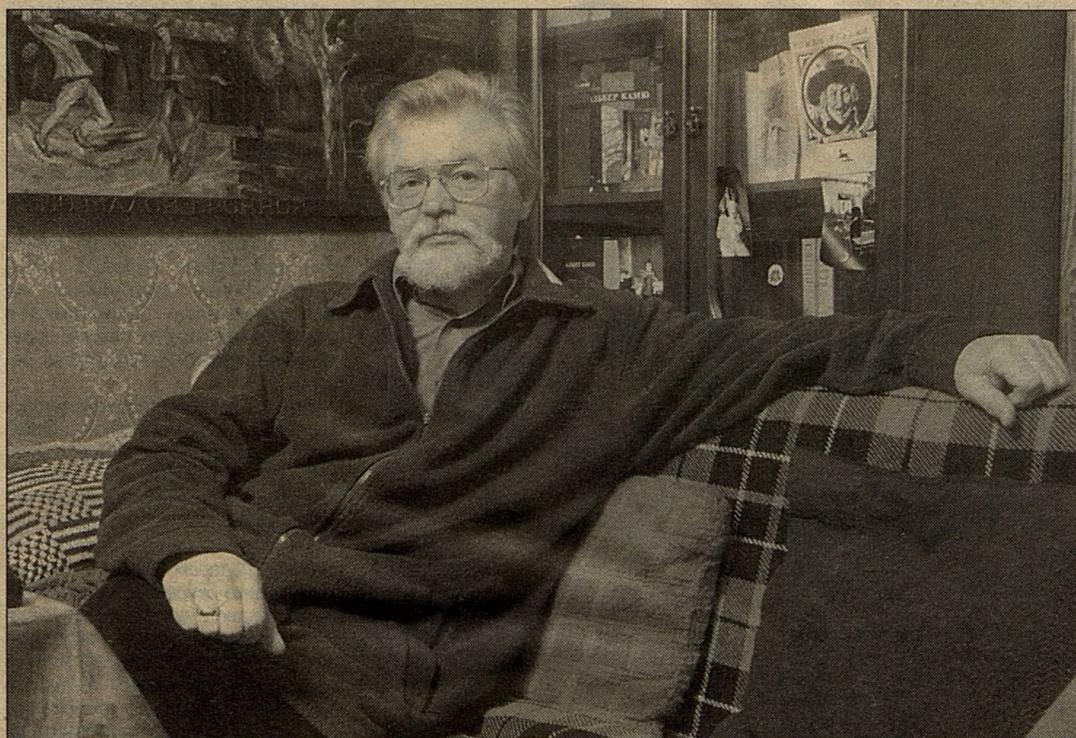
Анатолий КУРЧАТКИН — один из тех писателей, чье творчество определяет лицо современной отечественной литературы. Его новый роман “Солнце сияло”, выпущенный издательством “Время” и удостоенный премии “Российский сюжет”, сегодня считается одним из основных претендентов на премию “Букер — Открытая Россия”. Эта книга — история взросления молодого человека по имени Саня, приехавшего после армии покорять Москву.

— Анатолий Николаевич, признаюсь, что, дочитав роман, я больше всего удивилась тому, что главному герою в конце всего 30 лет. По сути, вся жизнь впереди, но сколько испытаний уже пройдено, сколько разочарований пережито. Что заставило вас написать книгу о новом поколении россиян, мучительно пытающихся совместить романтику, творчество и бизнес?

— Я убежден в том, что в 1990-е годы труднее всего пришлось новому поколению. В жизнь оно выходило с определенными установками и задачами, но коммунистический строй рухнул, и оказалось, что все правила игры устарели... Многие оказались к этому не приспособлены. Вся тяжесть перемен пала на плечи двадцатилетних. Перед глазами у меня были десятки судеб, глубоко трагичных, сломанных. А счастливых молодых людей я встречал, наоборот, очень мало, и это не могло оставить равнодушным. Да, старшее поколение в перестройку и годы, последовавшие за ней, очень пострадало. Если говорить прямо и грубо, его попросту сбросили в отвал. Но с литературной точки зрения — я говорю об этом с болью — оно уже неинтересно: нищие, несчастные люди, предоставленные сами себе... Между прочим, то же самое происходило в годы революции, людям старшего и среднего возраста говорили: ребята, вы нам не нужны, мы обойдемся без вас и будем строить молодое коммунистическое общество.

— Насколько трудно писать о сегодняшнем дне? Ведь в нашей жизни появились вещи и явления, которые еще десять лет назад мы не могли даже представить.

— Писать о 90-х намного легче, чем о 70-х. Нынешняя жизнь стала очень сюжетной, и это, конечно, облегчает задачу писателя. В 1970-е было много запретов, но обойти их было де-

лом техники. А вот время тогда напоминало стоячую реку, и процессы если и происходили, то на огромной глубине, куда приходилось нырять, можно сказать, рискуя творческим здоровьем. Как мы писали, чтобы написать время? Например, писали о том, что человек ищет колбасу к праздничному столу, и, как это ни нелепо теперь звучит, через подобные сюжеты оказывалось возможно показать суть застойной поры и взаимоотношения людей в обществе. Сейчас мы вернулись на столбовую дорожку цивилизации — товарно-денежные отношения правят обществом. Естественно, что все сюжеты буквально оголены, найти типажи и тему очень просто.

А если говорить более основательно, с точки зрения литературного мастерства, то писать всегда тяжело. А хорошо писать — вообще адски трудно. Ведь нужно, чтобы за текстом не просто вставала жизнь, которая протекает у тебя на глазах и в которую каждый из нас погружен, — за ежедневным броуновским движением должен быть Человек. Он неизменен и живет по тем же заповедям, что и две тысячи лет назад... А если он отклоняется от них, то тогда и складывается драматический сюжет, достойный литературы.

— То есть для вас самое важное — это человек, а не эпоха? Наверное,

поэтому в романе, действие которого происходит в 1990-е годы, так мало сказано о политической и экономической ситуации в стране?

— Что может быть важнее человека? Пока мы пребываем в данном материальном мире, самое главное для нас — это жизнь и взаимоотношения души с ней. Что же касается эпохи... Конечно, у меня есть свое отношение к тому, что происходило в 1990-е, и я могу дать оценку каждому событию (может быть, неверную), но герой меня в этом смысле обуздывал. Не позволял уходить в дебри размышлений. За пределами романа осталась масса вещей, которые я мог бы сказать о том времени, но “Солнце сияло” написано от первого лица, от имени молодого человека, и это обязывало меня.

Сам герой размышляет в основном о свободе, именно ее определяя для себя целью и главной ценностью. Но в начале романа, когда моему Сане всего 20, он понимает ее как свободу действий, ему, в частности, наплевать на образование, он стремится работать и зарабатывать как можно больше, не завися от родителей и суметь закрепиться в Москве. А к тридцати годам он осознает свободу как исполнение замысла о самом себе. Степень приближения к этому замыслу — это и есть свобода,

ведь человек воплощает идею, которая вложена в него — как человек верующий, я бы сказал, Богом, а молодые люди могут употребить слова “небо” или “судьба”.

— Название романа позаимствовано из цитаты из “Капитанской дочки”, которая стала эпиграфом к вашему произведению. Почему, сочиняя роман о современной России, вы решили обратиться именно к Пушкину?

— “Капитанская дочка” написана о смутном времени. А смутному времени всегда предшествуют тишь, блажь и покой. И помните, как Гринев едет во взрослую жизнь? Она начинается с подаренного тулупа, проигранных денег и жуткой метели, а наутро сияет солнце, надо головой бездонное голубое небо, и кажется, что все проблемы и невзгоды кончились, хотя на самом деле впереди Пугачевский бунт, смерть близких людей, да и сам герой окажется на краю пропасти... Для меня очевидна внутренняя перекличка того времени и наших 90-х годов. Мой герой живет и взрослеет в смутное время.

С названием было сложнее. Я очень долгое время не знал, как назвать роман. И уже текст был написан и выпущен, а названия все не было. И только потом меня осенило, что эпиграф содержит все, что нужно. Солнце сияет — но читателя не по-

кидает ощущение, что оно в одно мгновение может заволочься тучами и произойдет страшная метель.

— Сейчас? Или вы говорите о начале 90-х?

— А вы думаете, смута закончилась? Тринадцать лет, прошедшие с момента путча, — это разве достаточно для того, чтобы метель улеглась? Мы уже вспоминали сегодня революцию 1917 года — прибавьте к этой цифре 13 лет... У меня часто возникает ощущение, что сейчас мы вновь оказались на пороге весьма невеселых 1930-х годов. Видимо, в России так долго и мучительно идет процесс стабилизации. И кто знает, что ждет нас дальше? Обернется ли эта стабилизация благом для граждан? Я, может быть, ужасную вещь сейчас скажу, но я действительно убежден: человек позднесоветского времени был более свободным, чем гражданин нынешней России. Да, нашим с вами современникам предоставили свободу перемещений, они могут поехать в Европу или Турцию, но зато они оказались закабаленными в главном — в своих товарно-денежных отношениях. Они зависимы от работодателя, и никакие системы страхования или профсоюзы современной России не в состоянии их защитить. Работодатель, в свою очередь, так же безмерно зависим от власти. Эта тема бесправия — гражданина, работника, автора — нашла свое отражение в романе, мне было очень важно показать это явление во всей его полноте и неприглядности.

— Роман “Солнце сияло” получил премию “Российский сюжет”, а сейчас вошел в шорт-лист премии “Букер — Открытая Россия”. В принципе сегодня многие профессионально работающие писатели могут похвастаться литературными премиями. На ваш взгляд, они имеют в современном литературном процессе какое-то значение и вес? Облегчают ли путь к читателю?

— Я-то, признаться, как раз не избалован премиями, поэтому так с ходу и не соображаю, что думаю о них... Главное, чтобы премия не была пустоцветом: ее учредители должны соблюдать взятые на себя обязательства и принципы, положенные в основу придуманной ими награды. Что же касается меня... Признаюсь, денежная составляющая “Российского сюжета” до лауреатов пока так и не дошла, но число читателей романа “Солнце сияло” выросло, и это для меня самое главное.

Беседу вела
Анна МАРТОВИЦКАЯ

Фото Степана РАПЧЕВСКОГО